



ТАТЬЯНА
МАРШКОВА

ЕСЕНИН И ДУНКАН

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ,
НО ЖИТЬ
С ТОБОЙ
НЕ БУДУ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

Документальный триллер

**Есенин и Дункан. Люблю
тебя, но жить с тобой не буду**

«Алисторус»

2022

УДК 82-311.6
ББК 83.3Р7

Есенин и Дункан. Люблю тебя, но жить с тобой не буду /
«Алисторус», 2022 — (Документальный триллер)

ISBN 978-5-00180-425-3

Классика русской поэзии и знаменитую американскую танцовщицу соединила любовь. Айседора Дункан почти не говорила по-русски и была старше своего избранника с «золотой головой» на 15 лет. Сергей Есенин недолго был рядом со своей «Изадорой», читая стихи, казавшиеся ей музыкой, и разжигая «жизни гибельный пожар». И все же душа прикоснулась к душе... Исповедь Дункан, воспоминания ее многолетнего импресарио Ильи Шнейдера, а также жены А.Н. Толстого Наталии Крандиевской-Толстой, Максима Горького, поэта Сергея Городецкого, наблюдавших великую пару, проливают свет на историю интимных взаимоотношений Сергея и Айседоры, и спустя 80 с лишним лет подверженных домыслам и кривотолкам.

УДК 82-311.6
ББК 83.3Р7

ISBN 978-5-00180-425-3

, 2022

© Алисторус, 2022

Содержание

Встречи с Есениным[1]	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

**Есенин и Дункан. Люблю
тебя, но жить с тобой не буду**
Составитель Татьяна Маршкова

Документальный триллер

© Т. И. Маршкова, составление, 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

Встречи с Есениным¹ Илья Шнейдер

«Горький роман»

...Летом 1921 года знаменитая американская танцовщица Айседора Дункан по приглашению советского правительства приехала в Москву, чтобы отдать свой труд, опыт и навыки русским детям.

«Дункан называли «царицей жестов», – писал о ней Луначарский, – но из всех ее жестов этот последний – поездка в революционную Россию, вопреки навешанным на нее страхам, – самый красивый и заслуживает наиболее громких аплодисментов».

Сразу же после приезда Дункан нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский поручил мне как журналисту, близкому к хореографическому искусству, позаботиться о Дункан и ее спутниках, а потом в течение очень долгих лет, не бросая, правда, никогда пера, журналистики, литературы, я руководил сначала школой, затем студией и, наконец, Московским театром-студией имени Айседоры Дункан.

Первые месяцы работы с Дункан и свели меня с одним из замечательных русских поэтов-лириков Сергеем Александровичем Есениным.

Я прожил с Айседорой Дункан и Сергеем Есениным в Москве под одной кровлей почти три года, немного путешествовал с ними, был свидетелем первой их встречи, в моей памяти жива история их большой любви, которую Луначарский назвал потом «горьким романом»...

Имя Айседоры Дункан, ирландки по национальности, родившейся в Америке, стало известно в начале 1900-х годов. Она призывала к реформе искусства, быта, школы и являлась носительницей идеи о всеобщем художественно-физическом воспитании детей, проповедовала раскрепощение женщины в самом широком смысле этого слова. В своем искусстве Дункан стремилась к органической связи танца с музыкой и к естественной выразительности движений.

После Октябрьской революции ее неудержимо потянуло в новую Россию. Она приезжает в Москву для того, чтобы создать школу художественно-физического воспитания детей. «Я хочу, – говорила она, – чтобы рабочий класс за все свои лишения и страдания, которые он нес годами, получил бы высшую награду, видя своих детей бодрыми и прекрасными».

В книге «Моя жизнь» Дункан писала, что она «старалась найти и наконец нашла первоначало всякого движения...» и что она «стремилась постигнуть единый ритм движения в природе».

Писатель Николай Никитин, близко знавший Есенина, так характеризует Айседору Дункан: «Это была великая артистка и, очевидно, это был большой человек. Об этом говорят последние страницы ее жизни».

Приехать совершенно бескорыстно в советскую Россию, едва оправившуюся от исторических пожаров, нужды и голода... Поверить в эту Россию мог человек лишь незаурядный. Вспомните годы... Презреть богатство, свою мировую славу, которая, правда, была уже на закате, все-таки не просто..., но и не в этом дело. Она могла жить в полном довольстве, спокойно. Но она говорила в те годы, что не может так жить, что только Россия может быть родиной не купленного золотом искусства».

¹ Печатается с сокращениями.

О том, что ощущала Дункан, когда ехала с женой Литвинова из Лондона через Ревель и Петроград в Москву, она писала в своей книге: «...По пути в Россию я чувствовала то, что должна испытывать душа, уходящая после смерти в другой мир, я думала, что навсегда расстаюсь с европейским укладом жизни. Я видела, что идеальное государство, каким оно представилось Платону, Карлу Марксу и Ленину, чудом осуществилось на земле. Со всем жаром существа, разочаровавшегося в попытках претворить в жизнь в Европе свои художественные видения, я готовилась вступить в идеальное государство коммунизма...».

Из старого мира она шла в новый, не зная, что в обетованной земле найдет и большую, последнюю в жизни любовь...

Глава 1

Приезд Айседоры Дункан. – «Золотой король» и Дункан. – Первые впечатления

Кто может предугадать минуту, когда благодаря какому-нибудь незначительному обстоятельству жизнь внезапно делает крутой поворот?..

Если бы я вошел минутой позже в свою комнату, где призывно звенел настольный телефон, он бы еще раза два налился звоном и умолк. Я поднял трубку: Флаксерман, секретарь Луначарского, сообщил, что со мной хочет переговорить нарком.

Луначарский сказал, что неожиданно, на три дня раньше, чем ее ждали, приехала Дункан. Анатолий Васильевич попросил меня поселить ее на какое-то время в квартире Гельцер, уехавшей на гастроли. С Гельцер я был связан работой и поэтому не удивился такой просьбе.

В отеле «Савой», где Дункан остановилась, неблагоустроенном и частично даже разрушенном, оказались к тому же клопы и крысы. Дункан и ее спутницы «сбежали» ночью из отеля и прогуляли до утра по улицам, осматривая Москву.

Я позвонил старшей сестре Гельцер Любови Васильевне (жене Ивана Михайловича Москвина) и заручился также ее согласием принять гостей в квартире Екатерины Васильевны.

Чтобы стало более понятным, почему Луначарский в день приезда Дункан позвонил мне, – несколько слов о себе.

В то время я часто выступал в печати с рецензиями на балетные спектакли, и Луначарский, внимательно следивший за художественной критикой, не мог не знать моего имени. Но было еще одно обстоятельство, позволившее нам ближе познакомиться друг с другом.

Стремясь как-то оживить архаические формы балета, организованный в Москве «Вольный театр» объявил конкурс на либретто для одноактного балетного спектакля. Я написал и сдал в комиссию конкурса либретто «Золотой король». Неожиданно для меня оно получило первую премию.

Но постановка не состоялась. Как раз в это время в здании Московского комитета партии в Леонтьевском переулке был совершен террористический акт – здание было разрушено взрывом. Комитет переехал на Большую Дмитровку, в помещение, предназначавшееся для «Вольного театра».

Немного позже в органе Наркомпроса «Вестник театров» появилась статья Луначарского о «Золотом короле».

Луначарский писал: «Не знаю, правильно ли рассчитывает тов. Шнейдер, что либретто полностью подходит под «Поэму экстаза» Скрябина, но само по себе оно превосходно. Тема его как нельзя более проста: это борьба трудящихся масс с золотым кумиром и победа над ним. Оно разработано ярко, живописно, в лучшем смысле этого слова, балетно и феерически... Зрелище, поставленное с настоящим режиссерским искусством, превратило бы этот балет в один из любимейших спектаклей нашего пролетариата, который как в Москве, так и в Петрограде сильно чувствует прелесть балета с его бросающимся в глаза мастерством, с его подкупающей грацией, с его ласкающей красотой».

Но обстоятельства сложились так, что постановка «Золотого короля» все затягивалась. Как-то зайдя в дирекцию к всесильному «комиссару театров» Е. К. Малиновской, я попросил вернуть мне либретто.

– У нас есть приказ наркома о постановке этого балета в Большом театре, – ответила Малиновская.

– Мне думается, что эту постановку трудно будет осуществить силами балетной труппы, хотя я и ценю труппу очень высоко, – сказал я.

– Вы должны будете дать расписку в том, что берете либретто по собственному желанию.

Я согласился. Она позвонила и попросила принести рукопись.

Чтобы нарушить неловкое молчание, я попытался продолжить свою мысль:

– Эту постановку надо осуществлять несколькими иными силами, да и постановщика я сейчас не вижу. Существует, мне кажется, человек, которому была бы по силам эта тема, но его нет здесь.

– Кто же это такой? – спросила Малиновская.

– Это не «такой», а «такая»: Айседора Дункан.

Малиновская передала разговор Луначарскому. Вот почему именно я должен был, по мнению Анатолия Васильевича, встретить Айседору Дункан и позаботиться о ней.

Позвонив на квартиру Гельцер, я предупредил экономку о прибытии неожиданных гостей и попросил, чтобы приготовили что-нибудь закусить. Пообещали только яичницу. По тем временам и это было роскошно. Я уехал на вокзал, где в это время Дункан получала свой багаж. Флаксерман отправился туда на машине Луначарского.

На площади перед Николаевским (ныне Ленинградским) вокзалом машины Луначарского не было: Флаксерман успел увезти Дункан. Вдруг из ворот вокзала выехал воз, а я невольно обратил на него внимание: множество ковров, корзин и чемоданов – метра в два высоту. Я сразу же подумал, что, вероятно, это и есть багаж Дункан. Я проехал к дому Гельцер на Рождественский бульвар. Гости уже были на месте.

Я видел Дункан на сцене давно, еще в 1908 году. Воздушная фигурка в легкой тунике; сцена, декорированная гладкими сукнами и однотонным ковром...

Два слова – «Айседора Дункан» – были для меня синонимами какой-то необычайной женственности, грации, поэзии... А сейчас впечатление было неожиданным: Дункан показала мне крупной и монументальной, с гордо посаженной царственной головой, облитой красноватой медью густых гладких стриженных волос. Одета она была в нечто вроде блестящей кожаной куртки с белым атласным жилетом, отороченным красным кантом. (После того как Дункан, готовившаяся к отъезду в Советскую Россию, заказала себе костюм по этой модели, законодатель парижских мод Поль Пуаре пустил модель в оборот под названием «а-ля большевик».)

Я спросил, удовлетворены ли гости квартирой, и объяснил, что Луначарский поручил мне позаботиться на первых порах «о мисс Дункан и ее спутницах».

Дункан поморщилась. Я решил, что ее раздражает мой немецкий «диалект», но через несколько дней узнал, что причина недовольства – мое обращение: «мисс Дункан».

Теперь, когда Айседора пересекла границу социалистического государства, ей претили всякие, даже словесные, атрибуты оставленного «старого мира», ее манило новое созвучие: соединение ее имени со словом «товарищ».

Дункан приехала из Лондона через Ревель (ныне Таллинн) в Петроград.

За границей в те годы мало писали о нашей жизни. Истину заменяли подчас невероятные, фантастические слухи. Приняв за истину рассказы об уничтожении денежной системы в Советской России, Дункан решила, что слова «товарищ» будет достаточно, чтобы извозчик отвез ее без всякой оплаты по нужному ей адресу, и так как у нее не было с собой никаких денег, ей пришлось совершить первый «рейс» в Петрограде пешком. Это ее не обескуражило. Она шла по улицам и с интересом вглядывалась в лица встречаемых. Был июль 1921 года. Люди были плохо одеты, озабочены. Нет ничего удивительного в том, что Дункан увидела тогда «облик нового мира» только в выражении лиц и глаз красноармейцев, беспрерывно встречавшихся ей на улицах.

В комнату вошла тоненькая девушка в шелковом кремовом пеньюаре.

– Это Ирма – единственная из моих учениц, решившаяся ехать со мной в Москву, – представила Айседора.

Она придвинула мне папиросную коробку. На коробке была обозначена ничего не говорившая мне тогда фирма: «Фабрика Мэри Дести».

Мы закурили.

– Да, нас сильно пугали... – улыбнулась Айседора, как-то неумело затягиваясь сигаретой (курила она немного). – В Париже ко мне пришли бывший русский посол Маклаков и еще Чайковский, однофамилец вашего гениального композитора. Он кто был? – спросила она.

– Глава белого правительства на Севере, организованного англичанами после оккупации ими Архангельска.

– Так вот, оба они, – а этот Чайковский даже встал передо мной на колени, – оба умоляли меня не ехать в Россию, так как, по его уверениям, на границе я и Ирма будем изнасилованы, а если нам и удастся доехать до Петрограда, то там придется есть суп, в котором будут плавать отрубленные человеческие пальцы...

Редакция «Известий ВЦИК» поручила мне написать небольшую статью о приезде к нам Айседоры Дункан, и я хотел услышать от нее если не «декларацию», то какие-то новые и свежие слова, объясняющие социальные причины ее приезда в Советскую Россию. Все дореволюционные писания об Айседоре Дункан, как о «легкокрылой танцовщице-босоножке, задумавшей возродить древнегреческий танец», явно устарели и не годились. Кроме того, хотя со времени войны и революции мы находились в фактической блокаде, понаслышке мы знали, что Дункан давным-давно эволюционировала от «ангела со скрипкой» к «пластической философии жизни» в 6-й («Патетической») симфонии и «Славянском марше» Чайковского... Она танцевала целиком 5-ю симфонию Бетховена, 7-ю и «Неоконченную» Шуберта, огромные циклы из произведений Шопена и Листа.

– Я бежала из Европы от искусства, тесно связанного с коммерцией. Кокетливому, грациозному, но аффектированному жесту красивой женщины я предпочитаю движение существа горбатого, но одухотворенного внутренней идеей. Нет такой позы, такого движения или жеста, которые были бы прекрасны сами по себе. Всякое движение будет только тогда прекрасным, когда оно правдиво и искренне выражает чувства и мысли. Фраза «красота линий» сама по себе – абсурд. Линия только тогда красива, когда она направлена к прекрасной цели.

Она с увлечением говорила о своих планах: создать в Москве школу, где танец был бы средством воспитания детей – новых людей нового мира, гармонически развитых физически и духовно.

Сообщение о приезде Айседоры Дункан и эта маленькая ее «декларация» были напечатаны через несколько дней в «Известиях».

Ирма присела за наш стол. Она была среднего роста, хорошо сложена, с прекрасными каштановыми волосами, подстриженными «по-дункановски», с красивыми темными глазами. Жанна, камеристка Дункан, без которой Айседора никуда не выезжала, суежилась, выгружая на стол банки с вареньем и мармеладом, плитки шоколада, бисквиты и какие-то маленькие пакетики в пергаментной бумаге. Жанна разрывала их с треском, вынимая белые хлебцы. Я заглянул в огромную корзину, из которой Жанна вытаскивала всю эту снедь...

– Для чего вы везли с собой из-за границы столько хлеба? – обратился я к Дункан.

Она не успела ответить, а Ирма смешком выпалила:

– У нас еще две такие корзины!

Айседора смущенно объяснила, что хлебцы – диетические, нельзя же ей полнеть... Но, заметив недоверчивое выражение моего лица, призналась на своем особом немецком диалекте (она владела тремя языками, и иногда в ее речи к немецким словам примешивались французские и английские):

– Они все настаивали, чтобы мы взяли с собой побольше хлеба, так как в России его нет.

И вытащив из сумки широкую палочку губной помады, размашисто провела по губам, не вынимая зеркала. Потом, вкусно облизнувшись, добавила:

– Ну, а помимо всего, это действительно диетический хлеб.

Айседора завешивала тонкими шелковыми шальями розовато-желтой окраски лампы и бра, и без того снабженные абажурами:

– Я не выношу белого света, – объяснила она, осторожно, чтобы не зацепить какую-нибудь статуэтку или вазу из хрупкого фарфора, накидывая шали на абажуры. – Я не способна коллекционировать эти вещи и поклоняться им, – говорила Дункан. – Разница между красивым и прекрасным слишком велика. – И вдруг остановилась – перед картиной Тропинина: – А вот это прекрасно... Haben Sie... allumets?² – спросила она, опять примешивая к немецкой речи французские слова, и, вынув сигарету, протянула мне коробку. – Строя новый мир, создавая новых людей, надо бороться с ложным пониманием красоты. Каждая мелочь в быту, в одежде, каждая этикетка на коробке должны воспитывать вкус. Я верю, что здесь, в России, все так и будет. Я приехала сюда для большой работы, и я хочу, чтобы меня здесь поняли. Ведь столько лет во всем мире мне приписывают желание возродить античный танец! Это так неверно! Я работала, изучая античную скульптуру, вазовую живопись и отдельные, зафиксированные в живописи и скульптуре моменты античного танца, но я видела в них лишь непревзойденные образцы естественных и прекрасных движений человека. Мой танец не танец прошлого, это – танец будущего. А каков был танец древних греков в целом – мы ведь не знаем. Музыка их, по-видимому, была примитивной.

Раздался звонок. Приехал Луначарский, с которым Дункан уже виделась днем в Наркомпросе. Мы не стали мешать их беседе и вышли на воздух.

Ирма предложила:

– Пойдемте в «синема».

Был понедельник – все синематографы были закрыты. (В Москве в то время было всего несколько кинотеатров.)

К счастью, я вспомнил, что именно по понедельникам в просмотровом зале частной прокатной конторы «Тиман и Рейнгардт» демонстрируют киноленты для артистов балета Большого театра.

Мы отправились в Гнезниковский. «Балет» – преимущественно балетная молодежь и не менее молодая балетная критика – был уже там. Все мы хорошо знали друг друга. Я объявил о приезде Дункан и представил Ирму.

«Классический балет» принял представительницу «дункановской школы» вполне гостеприимно.

² Есть у вас... спички?

Глава 2

Станиславский и Дункан. – «I am red, red!»³ – Спич во дворце «сахарного короля». – Статья Луначарского

Когда мы возвратились на Рождественский, Луначарского там уже не было. Дункан о чем-то горячо спорила со Станиславским. С ним ее связывала дружба и воспоминания о давнем увлечении...

Дружба между Дункан и Станиславским возникла еще в годы приезда Айседоры Дункан в дореволюционную Россию.

В конце января 1908 года Станиславский пишет ей в Гельсингфорс, где также проходили ее гастрели:

«Вы потрясли мои принципы. После Вашего отъезда я ищу в своем искусстве то, что Вы создали в Вашем. Это красота, простая, как природа. Сегодня прекрасная Дузе⁴ повторила передо мною то, что я знаю, то, что я видел сотни раз. Дузе не заставит меня забыть Дункан!»

Вскоре после приезда, кажется, дня через три, Дункан получила приглашение на небольшой раут в особняк Наркоминдел. Для этого приема она выбрала туалет, который, вплоть до тюрбана и туфель, был красного цвета.

Когда я спросил, следует ли, отправляясь на первый официальный вечер, так подчеркивать свои революционные убеждения, она, ударяя себя в грудь, воскликнула:

– I am red, red!

Несколько лет спустя Айседора во время путешествия вместе с Сергеем Есениным по США в присутствии 10 тысяч человек, собравшихся на ее концерт в симфоническом павильоне в Бостоне, крикнула со сцены: «I am red, red!»

Публика с галерки, прослышавшая о том, что на предыдущих концертах Дункан танцевала под музыку Интернационала, хлынула в партер, требуя исполнения этого номера. Тут произошел единственный в истории театра случай: распахнулись двери огромного павильона, в партер... въехала конная полиция и начала разгонять публику.

На другой день одна из бостонских газет в сенсационном подробном сообщении о происшедшем «скандале» поместила карикатуру на Дункан в красном плаще и с подписью: «I am red, red!»

...В особняке Наркоминдел, до революции принадлежавшем сахарозаводчику Харитоненко, мебель золоченая, на тонких ножках. Гобелены. Расписные потолки: маркизы и пастушки.

В одной из гостиных молоденькая актриса, аккомпанируя себе на рояле, пела какую-то французскую песенку.

Ей аплодировали и кричали «браво».

Все были хорошо одеты и говорили с Дункан на прекрасном французском языке. Кто-то назвал ее «мадемуазель Дункан».

Она поправила: «Товарищ Дункан» – и поднялась с бокалом в руке:

– Товарищи, спич! Товарищи! Вы совершили революцию. Вы строите новый прекрасный мир, а следовательно, ломаете все старое, ненужное и обветшалое. Ломка должна быть во всем – в образовании, в искусстве, в морали, в быту. Вы сумели выкинуть сахарных королей из их дворцов. Но почему же вы сохранили дурной вкус их жилищ? Выбросьте за окно эти пузатые

³ «Я красная, красная!» (англ.).

⁴ Элеонора Дузе – знаменитая итальянская драматическая артистка.

тонконогие и хрупкие золотые стульчики. На всех потолках и картинах у вас живут пастушки и пастушки Ватто. Эта девушка очень мило пела, но во время Французской революции ей отрубили бы голову. Она поет песенки Людовика XVI! Я думала сегодня увидеть здесь новое, а вам не хватает только фраков и цилиндров, как всем дипломатам.

Она села. Кто-то пытался объяснить ей действительное положение дел, не совпадающее с ее романтическими представлениями о переустройстве общества и с ее революционной экзальтацией, не считающейся ни с трудностью этих реформ и процессов, ни со временем, которого они требуют.

Айседора вернулась домой расстроенная.

Годы спустя, после гибели Айседоры Дункан, Луначарский писал в своих «Воспоминаниях»: «В центре мирозерцания Айседоры стояла великая ненависть к нынешнему буржуазному быту. Ей казалось, что и нынешняя биржа, и государственная чиновничья служба, и современная фабрично-заводская работа, весь уклад обывательской жизни – все, за исключением некоторых, по ее мнению, оставшихся здоровыми частей деревни, представляет из себя грубый и глупый отход от природы...»

Айседоре казалось, что если тело будет сделано легким, грациозным, свободно двигающимся, то это в значительной степени повлияет и на сознание людей и даже на их общественную жизнь. Она утверждала: «Если вы научите человека вполне владеть своим телом, если вы при этом будете упражнять его в выражении высоких чувств, сделаете так, что движения его глаз, головы, рук, туловища, ног будут выражать спокойствие, глубокую мысль, любовь, ласку, дружбу или гордый жест величавого отказа от чего-нибудь презренного, враждебного и т. д., то это отразится воспитательно на самом его сознании, на его душе».

Она говорила, что человек, привыкший благородно двигаться, не только научается благородно чувствовать, но начинает с величайшим нетерпением сносить окружающее безобразие, устремляется к тому, чтобы соответственно этим движениям одеться, соответственно им устроить свое жилище, у него изменяется отношение ко всем окружающим людям.

Вести о революции, происшедшей в царской России, об огромных перспективах культурной революции, которую политический переворот провозгласил, заставили Айседору резко порвать свои буржуазные связи и, несмотря на всякие предупреждения об опасности такого шага и самого пребывания в революционной России, несмотря на угрозы репрессиями со стороны капиталистических антрепренеров, она приехала в Москву, в голодную, холодную Москву самых тяжелых годов нашей революции и приступила здесь к работе. Она очень хорошо мирилась с запущенностью и бедностью нашей тогдашней жизни.

...Айседора внесла максимум своего пламенного идеализма в основанное ею дело, и сама, наоборот, часто доказывала мне, что, конечно, пройдет несколько очень трудных лет, но что она все-таки сможет вывести свое дело на широкий простор.

Она уехала из Москвы, оставив школу на попечение своей приемной дочери Ирмы Дункан, но не переставала с болезненной чуткостью следить за этой школой. Незадолго до своей смерти она посетила меня в Париже, расспрашивала о школе, рассказывала об издании своего дневника на русском языке, о великих перспективах найти средств, чтобы подвести под школу серьезную материальную базу и т. д.».

Глава 3

Воробьевы горы. – Н. И. Подвойский. – Символическое восхождение

На квартире Гельцер вместо трех дней гости прожили более двух недель.

Днем Дункан терпеливо ожидала моего прихода, чтобы тотчас потащить нас всех на Воробьевы горы – она была непоседой. Ехали обычно на извозчике до Новодевичьего монастыря, потом пешком по каким-то огородам, тянувшимся до Москвы-реки. У перевоза садились в лодку, если она была тут, или кричали лодочнику, вызывая его с другого берега. Перевалившись через реку, бродили по заросшим аллеям и лужайкам Нескучного сада, купались, отдыхали. Потом снова ходили и все говорили, говорили.

– Я всегда говорю детям, когда учу их, – рассказывала Айседора, – смотрите, как взлетает птица, как порхает бабочка, как ветер колышет ветви деревьев, как он рябит воду. Учитесь движениям у природы. Все, что природно, – естественно.

Вечерело. Мы стояли с Айседорой около старой, с колоннами беседки Нескучного сада, у самой реки, которая огибает здесь блестящей подковой темно-зеленый берег. Розовел и золотился Новодевичий монастырь. Айседора медленно переводила взор с него на реку, на наш берег, долго глядела на спускающийся амфитеатром огромный зеленый склон, на самой верхушке которого одиноко высилось большое каменное здание.

– Вот здесь, – сказала Айседора, – среди зелени, должен быть грандиозный массовый театр без стен и без крыши... Вот тут, – показала она, – природная орхестра, площадка древнегреческого театра, на которой будет происходить действие. Вот там, – провела она рукой в сторону зеленого склона, – места для тысяч зрителей.

Она выбрала то самое место, где приблизительно через десять лет построили Зеленый театр...

– А вот там, – показала она в сторону каменного здания наверху склона, – хороший дом для моей школы...

– Товарищ, – позвал меня кто-то, – можно вас на одну минуту?

Я увидел человека в хорошо сшитой кавалерийской шинели с ярко-красными нашивками. Военная фуражка. Бледное узкое лицо. Небольшая рыжеватая борода.

Я подошел к нему.

– Скажите – это Дункан? – спросил он и представился: – Я Подвойский. Переведите, пожалуйста... я бы хотел с ней поговорить.

Подвойский... Это он был в Октябре председателем Петроградского военно-революционного комитета, возглавляя взятие Зимнего дворца!

Я едва успевал переводить. Айседора и Подвойский задавали друг другу множество вопросов, почувствовав единомыслие: Подвойского тоже волновали проблемы массового физического воспитания.

– Все последние годы, – говорила Айседора, – мои мысли были в России, и душа моя была здесь. Приехав сюда, я чувствую, что иду по тем путям, которые ведут в царство всеобщей любви, гармонии, товарищества, братства... Я презираю богатство, лицемерие и те глупые правила и условности, в которых мне приходилось жить. Я хочу учить ваших детей и создавать прекрасные тела с гармонически развитыми душами, которые сумеют проявить себя во всем том, что они будут делать, став взрослыми, в любой своей профессии. Грешно предопределять будущую профессию ребенка, который не может еще ни обсудить ее, ни сделать выбора. Всех детей хочу я учить, но не для того, чтобы делать из них танцовщиц и танцовщиков! Свободный дух может быть только в освобожденном теле, и я хочу раскрепостить эти детские тела. Мои ученики будут обучать других детей, а те, в свою очередь, новых, пока дети всего мира не ста-

нут жизнерадостной и прекрасной, гармоничной и танцующей массой. Мы создадим детский интернационал – залог будущего братства всех народов! Я знаю, что я еще слишком невежественна в политике, но я хорошо понимаю, что здесь, у вас, заложено начало тому чуду, которое обновит мир...

Темнело. Подвойский вел нас какими-то одному ему ведомыми тропинками.

– Я считаю, – продолжала Айседора, – что с тех пор как на земле началось христианство, большевизм является величайшим событием, которое спасет человечество. Но...

И Айседора стала сетовать на то, что, по ее мнению, не во всех еще областях жизни началась перестройка...

– Айседора, Айседора, – пытался убедить ее Подвойский, – вы родились на сто лет раньше, чем следовало. Вы слишком рано пришли в этот мир.

– Вы должны, – перебивала его Айседора, – уже сейчас давать своему народу многие радости за все то мученичество, которое переживала Россия.

– Мы еще только рубим глыбы мрамора, – объяснял Подвойский, – а вы уже хотите обтачивать их тонким вашим резцом. Послушайте меня: идите к рабочим, в рабочие районы, в рабочие клубы. Начните заниматься с небольшими группами детей, покажите их родителям-рабочим результаты этих занятий. А после этого открывайте большую школу, и тогда рабочие поведут к вам своих детей. Добейтесь у рабочих признания важности вашего дела, тропинками, через рабочие районы выходите на большую дорогу. А потом, когда вы покажете большой, законченный результат вашей работы, пусть, пусть... тогда Луначарский встанет в очередь за билетом, чтобы посмотреть на это... – засмеялся Подвойский.

Стало совсем темно. Мы взбирались на гору, тропинок уже не было видно, какие-то каменные глыбы и развалины преграждали нам путь.

– Вот, – шутил Подвойский, – такой трудной дорогой вам надо идти к признанию и успеху. Я нарочно повел вас сюда. Это – развалины старого мира: бывший ресторан Крынкина – разгульное заведение старой Москвы, взорванное рабочими. Тропинками, Айседора, через пролетарские районы на большую дорогу!

– Мичательно! – на свой лад, по-русски произнесла Айседора усвоенное ею за эти дни слово. – Но как мы спустимся отсюда?

Подвойский рассмеялся:

– Это называется – завел... Но найдем средства и спуститься.

Спускаться было нелегко...

Вдруг далеко внизу замелькали какие-то огни, послышались голоса. Они все приближались, и наконец мы услышали совсем ясно:

– Товарищ Подвойский!.. Товарищ Подвойский!..

– Это Мехоношин, – узнал наш «вожак» и подал голос: – Здесь мы!

(Подвойский в то время был начальником Всевобуча, а Мехоношин – его заместителем).

Обеспокоенный долгим отсутствием Подвойского, который, оказывается, сегодня впервые поднялся после тяжелой болезни, Мехоношин обыскал все. Воробьевы горы и, узнав от прохожих, что мы поднимались к развалинам ресторана Крынкина, вышел искать нас с несколькими красноармейцами, захватив фонари и веревки.

Начался спуск – фонари и веревки действительно оказались необходимыми. Но Айседора была в восхищении и от знакомства с Подвойским, и от путешествия. Да и сам Подвойский ничуть не был обескуражен и все просил меня:

– Скажите ей, скажите, что препятствия не останавливают, а лишь подхлестывают, и нет препятствий непреодолимых. А ей придется еще столкнуться со многими трудностями, не такими пустячными, как эти. Пусть она не падает духом, пусть не сетует и не удивляется. Ей помогут.

Мы по-прежнему каждый день бывали на Воробьевых горах и всегда встречали Подвойского, временно поселившегося там после болезни. Он был поглощен проектом строительства на Воробьевых горах Красного стадиона.

Однажды Айседора сказала ему, что ей хотелось бы, вместо того чтобы совершать дважды в день длинный путь, пожить здесь некоторое время, пока еще не наступила осень.

Подвойский распорядился предоставить Дункан небольшую пустовавшую дачку, где жила лишь какая-то старушка.

На другой день я перевез обеих Дункан с их Жанной на Воробьевы горы.

Я знал, что Луначарский, которого я информировал о переезде, делает все, что только в его силах, чтобы подыскать помещение для школы и решить другие насущные вопросы.

Позднее, когда Дункан уже переехала в город и томила в бездействии, Подвойский, встретив нас опять на Воробьевых горах, еще раз предложил Дункан начать работу вместе с ним и, указав рукой на тот самый дом⁵ на верхушке зеленого склона, который когда-то так ей понравился, сказал:

– Здесь будет ваша школа.

Айседора сразу согласилась.

– Вы, – обратился ко мне Подвойский, – в курсе всех дел, всех ее планов, проектов и нужд. Я думаю, что вы не откажетесь помочь Дункан и мне в нашей работе.

Я, конечно, обещал. Наутро к Дункан явился Мехоношин и по-военному четко отработал ей, что в здании ее школы на Воробьевых горах «приступлено к утеплению». Он передал мне мандат на бланке Всеобуча, за подписью Подвойского, назначавшего меня главным уполномоченным по организации школы. Луначарский на предложение Подвойского ответил официальным отношением, где говорилось, что Дункан является гостем Наркомпроса, который и будет вести организацией всей ее работы в Советской России.

Еще долгие, долгие годы Николай Ильич Подвойский был постоянно связан и с Московской школой имени Айседоры Дункан и с выросшим из нее театром-студией имени Дункан. Он звонил мне, расспрашивал, инструктировал, вызывал меня к себе (жил он очень скромно, с большой семьей в двухкомнатном номере гостиницы «Националь»). Усадив меня на стул, он шагал по комнате и говорил:

– Запишите. Передайте им (Айседоре и Ирме): нам необходимо героическое искусство, показ борьбы, трудностей и достижений. Пусть будет и радостное, но скажите им: «Наше счастье суровое, счастье на костре...»

Я запомнил его слова.

Но мы не знали тогда главного, о чем лишь почти 25 лет спустя, в декабре 1945 года, рассказал Подвойский в своем докладе на Первой всесоюзной конференции по художественной гимнастике для женщин. Когда в 1921 году по докладу Л. Б. Красина обсуждался вопрос, приглашать ли к нам Дункан в такие тяжелые для страны годы, В.И. Ленин настоял на том, чтобы вопрос был решен положительно. Подвойский рассказал, что Владимир Ильич очень интересовался работой Дункан, следил за ней. Ленина интересовали массовые занятия, которые Дункан вела на арене Красного стадиона.

⁵ Нескучный дворец.

Глава 4

Особняк на Пречистенке. – Чай для русских и иностранцев. – Золотая чашка. – Л. Б. Красин и «Ave Maria». – Первые «дунканята»

Наступили дикие холода, я штурмовал Луначарского, пытаюсь отвоевать для Дункан комнаты балерины Балашовой в ее особняке на Пречистенке, которые были опечатаны ВЧК после бегства Балашовой за границу. Все остальные помещения в особняке были заняты вначале различными учреждениями – Центропланбежем, МУЗО Наркомпроса и т. д.

...«Пречистенка была улица конюшая, касаясь почти самому Боровицкому мосту, а следовательно, конюшему и колымажному дворам. На Девичьем поле книли сено на Государевы конюшни, а на Остоженке ставили стоги...» – писал знаменитый, времен Екатерины, русский архитектор В. И. Баженов.

Две улицы, Остоженка и Пречистенка, взяв начало одна у Крымской площади, а другая у Зубовской, бежали рядышком, все сближаясь и сближаясь. Сбежав под горку, они вливались в площадь у Пречистенских ворот, где в зеленом сквере белел громадный храм Христа спасителя, блиставший своими главами, которые дали материал для арифметических задачников, требовавших решать, сколько золота пошло на покрытие его куполов.

Обе древние московские улицы у самых своих устьев натыкались на неуклюжий дом, не дававший им окончательно соединиться и выходявший прямо на площадь. Дом этот горел еще при Наполеоне, потом, простояв десятки лет памятником московского пожара, был кое-как восстановлен и стоит до нашего времени⁶, поглядывая узкими окошками на то, как храм будто провалился сквозь землю, оставив открытым огромный котлован, как мгновенно исчезла розовая церквушка, выстроенная «во искупление грехов» Малютой Скуратовым, как слева вдруг выскочила из-под земли полукруглая арка с пылающей над ней буквой «М», как до этого вздыбилась старая Остоженка, которая, скинув трамвайные рельсы и вывернув свое чрево, приняла в него тоннели метро. А до этого дом испытал дни, когда старую штукатурку на его стенах разбивали октябрьские пули, видал, как на его узеньких глазах по обеим дряхлым улицам понесся широкий размах новой молодой жизни, как приняли они новый облик и новые имена, как принаряжались и хорошели они, румянясь алыми стягами, в дни светлых праздников, когда по руслам их текли шумные, поющие толпы людей, плясавших при остановках прямо на булыжной мостовой, которая расстелила потом для них и асфальтовые полотнища.

На Пречистенке, почти на углу Мертвого переулка, окрещенного этим зловещим названием со времен московской чумы, стоит солидный двухэтажный особняк с рядами высоких зеркальных окон в верхнем этаже и более низких – в нижнем; с балконом в середине фасада, с оцинкованной крышей, выпершей в центре большой купол, увенчанный вазой, и с двумя такими же вазами на углах. Рядом с особняком – старое здание бывшей Хамовнической полицейской части, с нелепой пожарной каланчой⁷, под которой можете увидеть окошко, откуда тоскливо смотрел в утро своего первого ареста юный Герцен, заплакавший при виде въехавшей во двор пролетки с их кучером, привезшим ему вещи и провизию.

К этим воротам подкатила и коляска, с которой легко соскочил Грибоедов и прошел во двор, волнуясь, что сейчас он увидит живущего здесь «покорителя Кавказа» – генерала Ермолова. Говорят, что особняк построен на том самом месте, где когда-то стоял дом с садиком доктора Лодера. Иностранный врач лечил московскую аристократию минеральными водами, которые его пациенты пили тут же, после чего им предписывался «моцион» – длительная про-

⁶ Дом снесен в 1972 году

⁷ Ныне снесена.

гулка по дорожкам садика. Проходивший мимо народ наблюдал пышущих здоровьем «больных», бегавших по садовым дорожкам доктора Лодера, и окрестил эту лечебную процедуру своими словами, оставшимися в русском языке: «Лодыря гоняют»...

Новый особняк на этом месте построил водочник Смирнов, продавший его потом миллионеру Ушкову (чайная фирма «Губкин и Кузнецов»), которому дом так понравился, что он построил точную копию его еще и в Казани. Вход в особняк вчерчен двумя приземистыми колонками с левого бока фасада, где в маленькой нише темнеет тяжелая дубовая дверь. За нею вестибюль с колоннами и росписью на потолке в стиле портиков Геркуланума и Помпеи, извлеченных из-под лавы. У стен две большие и холодные мраморные скамьи со спинками и с усевшимися на локотниках фавнами. Ни летом ни зимой присесть на ледяные скамьи нельзя и сдвинуть их с места невозможно. Широкая лестница белого мрамора ведет в огражденный мраморной балюстрадой вестибюль с колоннами розового дерева, испещренными золотой лепкой. Задрав голову, вы встречаете взгляды десятка римских и греческих красавиц, взирающих на вас с потолка, в котором каждой из них отведена клетка в скульптурной раме.

Все двери в особняке высокие, двустворчатые, с украшениями из бронзы и с барельефом голов Жозефины и Наполеона. Одноглавые бронзовые орлы, будто спугнутые с древков наполеоновских штандартов, настороженно сидят на высоких карнизах... Прямо из вестибюля – два «наполеоновских» зала. В обоих огромные, в широченных тяжелых рамах картины батального характера с Наполеоном во весь рост на первом плане. Дальше – гостиная «север», со стенами, обитыми розовым в цветах атласом, где из всего фарфора уцелела одна великолепная люстра. За гостиной – «восточная комната» в мавританском стиле, с вызолоченным жерлом камина, со стенами и потолком, покрытыми сплошными лепными узорами из золота и ярких красок. Еще дальше – двусветный заброшенный «зимний сад» со стоячим, нагретым воздухом, с каменной, выходящей книзу лестницей, с какими-то сохранившимися зачехленными растениями в подвесных горшочках, с парой запыленных пальм и маленьким бассейном молчаливого, высохшего и потому кажущегося грустным фонтана...

Этот дом был предоставлен Московской школе Айседоры Дункан. Там же мы и жили. Вспоминаю, как потом я увидел однажды Айседору молча стоящей на белой мраморной лестнице особняка. Она исподлобья оглядывала балашовских потолочных красавиц, мраморную балюстраду, испещренные золотой лепкой колонны розового дерева... Потом сказала:

– Я давно говорю, что нужно содрать всю эту позолоту вместе с римлянками и гречанками и выбелить все!

Помню, после Февральской революции, когда в Большом театре был устроен какой-то благотворительный бал, мне пришлось заехать к Балашовой. Она провела меня по всему особняку, показала даже свою спальню, похожую на небольшой зал и отделенную от будуара маленькой гардеробной.

Этот зал-спальня стал потом комнатой Айседоры Дункан.

Войдя впервые в особняк, Дункан скривила губы при виде потолочных красавиц, облепленных золотом колонн и бронзовых барельефов.

В своей комнате Айседора опустилась в кресло и залилась неудержимым смехом:

– Кадриль! – кричала она, заразительно смеясь. – *Changez vos places!*⁸

Оказалось, что балерина Балашова, бежав из Советской России, приехала в Париж и в поисках особнячка попала на Rue de La Pampre, 103 – в дом, принадлежащий Дункан.

Дом представлял собой обширную, затянутую строгими, в складках, сукнами студию с несколькими комнатами, ванной и холлом. Никаких украшений и аляповатостей, гладкие ковры и портьеры, немного хорошей стильной мебели и мраморная ванна – все это никак

⁸ Меняйтесь местами! (*фр.*). Возглас распорядителя танцев в одной из фигур кадрили.

не удовлетворило бывшую владелицу особняка на Пречистенке, куда теперь, по игре случая, вошла Дункан, также не оценившая «купеческого ампира», который прельщал Балашову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.